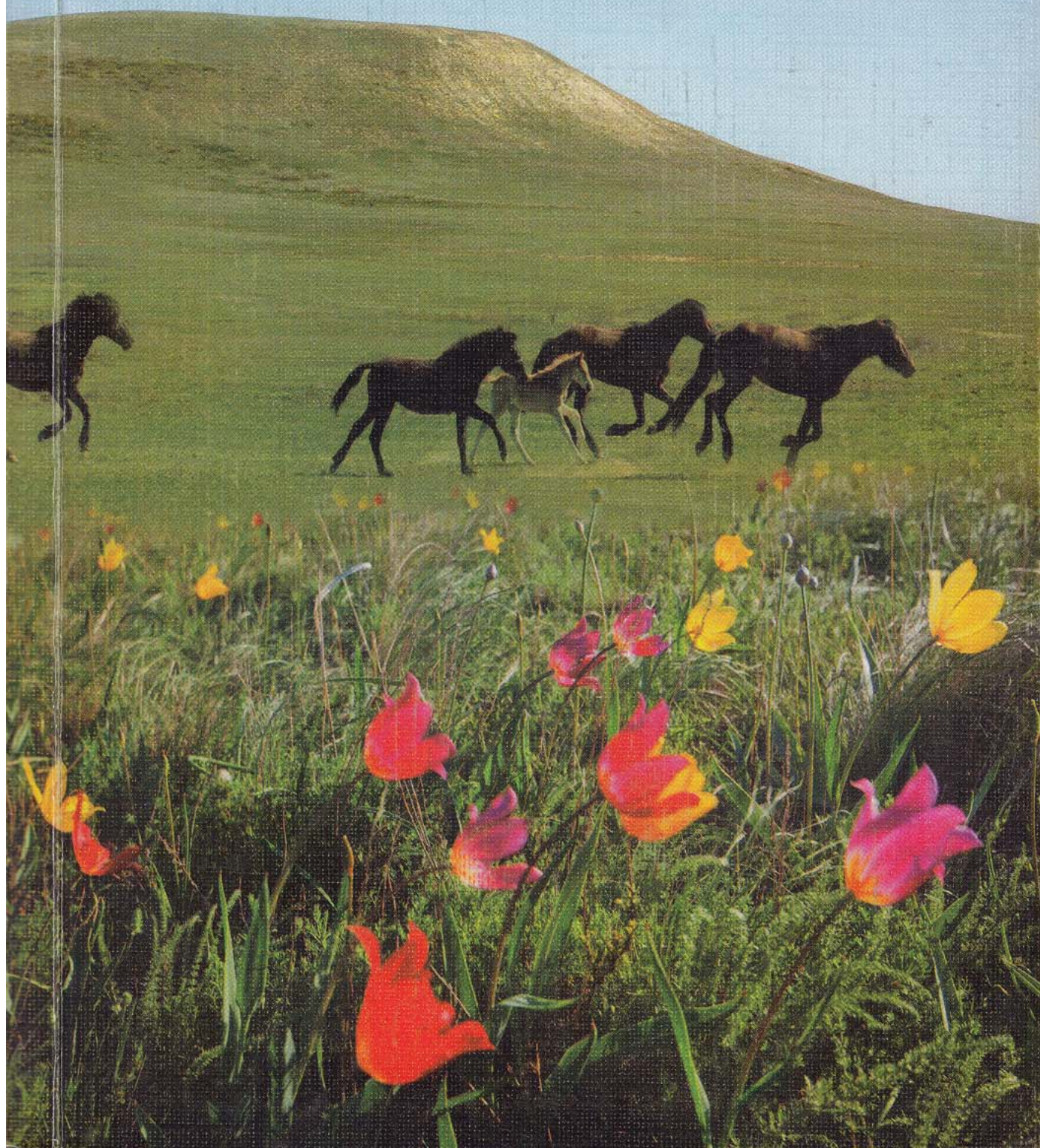

№ 35 ГОСТИНЬИЙ
ДВОР

Вера ЖИРНОВА

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР

Воспоминания о художнике
С.Н. Колоярском

Вера Петровна Жирнова родилась в Бузулуке. Окончила педагогическое училище, училась на историческом факультете Московского государственного университета по специальности «История и теория искусства». С юности писала стихи, занималась в литобъединении имени ДА. Фурманова при городской газете «Под знаменем Ленина». Более 25 лет проработала в школах Бузулука – сначала учительницей начальных классов, затем преподавателем русского языка и литературы. Тяжёлый недуг оторвал её от любимого дела, но, будучи волевой и увлечённой натурой, она не замкнулась в болезни. Нашла себе не менее достойное занятие – православное воспитание детей. Перу В.П. Жирновой принадлежит стихотворное переложение «Библии» для школьников. Она – автор книг «Подвиг святых», «Дорога к Богу», «Дорогие мои земляки». Живёт в Бузулуке.

Сказал когда-то старый
мастер,
Свой труд свершая не спеша:
«Картина лишь тогда
прекрасна,
Когда в ней светится душа.

Когда картина та способна
Костёр внутри тебя развесть,
Твой дух становится
свободным,
И веришь ты, что счастье
есть.

Когда способен ты часами
Смотреть на это полотно,
Когда холодными ночами
Оно льёт свет в твоё окно.

Когда, взирая на творенье,
Ты ощущаешь вновь и вновь
«И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь».

Эти строки совсем молодого человека Рузалима Кабулова, который, кроме стихов, пишет картины, как будто подслушаны много лет назад в творческой мастерской замечатель-

ного художника, учителя многих талантливых живописцев и графиков Сергея Николаевича Колоярского.

В те годы я была такой же молодой, как Рузалим, писала стихи, занималась в литературном объединении имени Д.А. Фурманова при редакции бузулукской городской газеты, но очень хотела стать художником. Первым моим наставником был Н.Г. Власов. Что-то моим акварелям не хватало, и Николай Григорьевич решил познакомить меня с Колоярским.

Было это летом 1963 года. На улицах Бузулука прямо пахли тополя, пыль висела в воздухе, как живая, в солнечных лучах. С окрестных полей ветер приносил нежный аромат повилики и поспевающих хлебов.

Сергей Николаевич встретил нас приветливо. Он сам был похож на это весёлое лето: лучистые глаза светились яркими солнечными зайчиками, один глаз всё время хитро щурился. Было не понятно: то ли он задорно подмигивает, то ли присматривается к тебе из-за занавесок ресниц. Добрая улыбка не сходила с его лица.

Честно скажу: когда мы шли к нему, у меня дрожали коленки, как перед приёмом у зубного врача. Его, Сергея Николаевича, знал весь город. Лучшие художники брали у него уроки. Я была бесконечно благодарна Николаю Григорьевичу за то, что он решил познакомить нас.

Но страха как не бывало. Только чувство восторга от его простого обращения: «Ну-с, барышня, хвалитесь, что вы там притащили...»

Улыбка этого обаятельного человека не только очаровывала, но и подбадривала, вселяла уверенность. Он не поучал, не критиковал, а больше шутил и рассказывал какие-то притчи. Тогда я не знала, что так же обучал когда-то своих учеников Христос...

Завоевал известность Сергей Николаевич, главным образом, как Учитель художников.

По тем временам его мастерская показалась мне большой и просторной, а на самом деле это была каморка, но очень светлая. Может, свет исходил от самого хозяина. Кроме него, в мастерской всегда находился кто-нибудь из художников. Учеников у Колоярского было множество: Лукашов, Кожевников, Власов, Чистяков, Михалёв, Кузнецов — это только те, кто стал позже известен, знаменит. А сколько вышло просто рисовальщиков — с хорошим вкусом, с верными понятиями о добре и зле, чести и совести, благородстве и достоинстве. Здесь разгорались жаркие споры о жизни, об искусстве, о назначении художника, его месте в обществе.

Говорить с ним можно было на любую тему. Он много читал, тонко чувствовал поэзию. Часто подтрунивал надо мной, что, дескать, стихи-то писать легче, а вот чтобы написать хорошую картину, нужно каждый день по несколько часов не выпускать кисть из рук. Он учил меня терпению, которому я, честно, так и не научилась... Сам он был очень терпелив и снисходителен к людским недостаткам. Но не принимал всяких новых течений в искусстве, говоря, что передавать надо реальность, а если не умеешь рисовать, то

ссылаться на то, что ты так видишь мир, просто смешно.

Он терпеть не мог обманчивого блеска эстетского искусства, излучающего призрачный, мерцающий свет, который сравнивал с болотными огнями, всегда вспыхивающими там, где процессы распада и разложения вещества идут наиболее энергично.

Сам Сергей Николаевич, проведя несколько лет в сталинских лагерях, продолжал утверждать необходимость активного вмешательства творческой личности в общественную жизнь.

В нынешней атмосфере безысходности и апатии мы всё чаще обращаемся за ответами в прошлое, в частности, к судьбам необыкновенных людей. Родился Серёжа 18 сентября 1893 года в Бузулуке, в семье священника и учительницы. После окончания начальной школы поступил в мужское реальное училище. В это время появляются первые его работы: карандашом, маслом, тушью. Очень скоро нашлось применение молодому таланту. Гимназистки и ученики реального училища устраивали в дворянском клубе, находящемся в доме купца Киселёва, совместные праздники. Особенно интересно проходила встреча Нового года. Юноши, как правило, наряжались в костюмы воинов различных эпох: рыцарей, мушкетёров, гладиаторов. Девочки — в принцесс, французских дам эпохи Возрождения. Большой зал, где проходил карнавал, оформлялся гирляндами, цветами, флажками. В программу включали спектакль самодеятельного театра. Неизменными форми-

телями таких вечеров был Серёжа Колоярский. В ту пору и пришла к нему первая любовь, о которой он вспоминал на протяжении всей жизни. Один из набросков сохранил нам черты предмета сей страстной и трепетной любви. На обороте другой картины запись: «Белые лилии вечером принёс Елене Рябовой. Запоздал к сроку в Николаевский садик. Попало».

Семья, в которой воспитывался Серёжа, имела очень скромный доход, поэтому ему пришлось рано зарабатывать самостоятельно. В 1910 году он принял предложение Николая Жданова, родного брата председателя земской управы, Евграфа Андреевича, готовить его сына Колю для поступления в Оренбургский кадетский корпус. Занятия проходили на даче Николая Андреевича, на Квасихе (ныне район пионерлагерей). Именно здесь появляются первые талантливые работы будущего художника. Детское увлечение приобретает серьёзное выражение. Здесь Серёжа знакомится с интересными людьми, слушает музыку, много рисует. Всю свою жизнь С.Н. Колоярский любил эти места, часто бывал здесь, делал зарисовки. Вверху одного из таких рисунков-воспоминаний он начертил строчку из Лермонтова: «А ныне всё пусто и голо там...»

По окончании реального училища в 1913 году он поступает в Казанское художественное училище. Но молодого художника влечёт Петербург. На следующий год отправляется поступать в Академию художеств. Он, может быть, и не решился бы на столь отчаянный поступок, если бы

С. Колоярский.
Эскизъ. 26. Апрель.
Бумага, акварель,
1913 г.

вступает в Красную армию и направляется в запасной полк Туркфронта, в город Ашхабад. А в декабре того же года переведён в Мерв, где и работал в политпросвете, а потом в школе-интернате имени Кольцова. Немало

не Елена Рябова, также сдававшая экзамены в первое российское высшее женское учебное заведение — Бестужевские курсы. Сколько было радости, надежд, сколько появилось новых рисунков, но... Неудача. Елена поступила. А он — нет. Вторая неудавшаяся попытка повергла художника в глубокое уныние.

О периоде его жизни с 1917 по 1919 год, к сожалению, мало что известно. Единственно: летом 1918-го был мобилизован и направлен художником в штаб одной из дивизий армии Дутова. После её разгрома вернулся домой. Летом 1920-го он

сохранилось работ этого периода. Здесь и зарисовки экспонатов ашхабадского музея, и узкие улочки восточных городов, и горы, и животные, и, конечно, люди. Один из них — Александр Бодё — председатель культпросвета, о котором, по словам дочери, Сергей Николаевич не мог

В. Кузнецов,
С. Колоярский, Г. Чистяков,
Бузулук, 70-е годы

вспомнить без слёз. Есть несколько портретов актрис петербургского театра, приехавших туда от голода и войны. А вот подпись под портретом: «Пианист Николай Сергеевич Артамонов. Очень хорошо играл и много музыки я слушал благодаря ему».

Летом 1922 года Колоярский возвращается в Бузулук, который только что пережил страшный голод, унёсший, по приблизительным подсчётам, во всём уезде более 100 тысяч жизней. Осенью того же года поступает работать в школу-интернат имени Октябрьской революции, расположившейся в лесу около села Максимовка Богатовского района. Фактически это была колония для беспризорных детей всех сословий и национальностей.

Жили в неотапливаемых бараках, голодали, холод... Из посуды — сковорода, которой пользовались по очереди днём и ночью. Ничего, выжили. В 1924 году встретил здесь Сергей Николаевич свою половину — Серафиму Константиновну. Молодая семья переезжает в Бузулук. Он получает должность заведующего Домом учителя, она там же — руководителем литературного кружка.

Появилась возможность заняться любимым делом. Вскоре в городе стали проводиться литературные вечера Льва Толстого, Сергея Есенина, Фёдора Достоевского. Серафима Константиновна подбирает литературу, декламирует, Сергей Николаевич оформляет зал и изготавливает наглядные пособия, случается сам поёт тенором.

Кружок рисования, который вёл Колоярский в школе им. Н.В. Гоголя, стал известен на весь город. Дети выпускали рукописные журналы, готовили концерты и художественные выставки. Жена художника была душой всех литературных вечеров. Впервые в школе в 1924 году отметили 125-летний юбилей Александра Пушкина.

Колоярский поражал всех замечательным знанием творчества русских гениев, читал А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Бунина наизусть. Он очень любил музыку русских композиторов, устраивал музыкальные вечера, с особым благоговением относился к духовному пению.

Пережитое и увиденное в годы войны, а особенно в лагере, куда его отправили за невинную шутку относительно строящегося социализма и где он с такими же острословами строил сызранский мост, навсегда вы-

С.Н. Колоярский
(в центре)
в изостудии клуба
«Железнодорожник»,
справа В. Кожевников,
1963 г.

жгли у него иллюзорное отношение к власти. У него оставалась теперь только вера в Бога и трудное восхождение человека к познанию жизни и её смысла. Человек, вышедший из недр народа, познавший полынную горечь невзгод, обретший радость спасения, стремился всё это передать окружающим.

Часто в разговоре откровенно говорил, что скоро придут времена, когда начнут восстанавливать храмы и церкви, а на смену существующему строю придёт другой. Видел ли со своей проницательностью Сергей Николаевич будущее России?

Учитель предсказывал, что придёт такое время, когда всюду всё начнёт рушиться от землетрясений и прочих катаклизмов, а здесь, на малой родине, будет самое безопасное место и храмы у нас возродятся.

За чашкой чая отводил душу с друзьями и учениками. Частым гостем в его доме был Пётр Степанович Филатов, человек образованный, хорошо знавший литературу, живопись, классическую музыку. Ученики порой записывали их беседы, иногда походившие на полемику.

Колоярский учил своих воспитанников не только рисовать, но и жить честно, праведно. Он был настоящим православным человеком, копировал библейские сюжеты, вкладывая в них своё мироощущение. Он умел, как мальчишка, радоваться чужим успехам, восхищался фламандским живописцем Ван Дейком, его психологизмом: «Какой момент схвачен! Помилуй Бог! Это же чудо, теперь так не пишут. А как верно!» И глаза его из усталых, переполненных болью, превращались в блестящие, юношеские. «Здесь есть музыка. И самое ценное — она звучит», — это было высшей похвалой ученикам.

Любопытное свойство проявлялось в нём — он любил соединять несоединимое. Цель была одна: пусть учатся видеть всю глубину окружающего мира, его добро и зло, красоту и уродливость.

Магнитофонная запись, чудом сохранившаяся у Г.П. Чистякова, передаёт мягкий, чуть с хрипотцой голос Сергея Николаевича. Я словно вижу его вновь живого, таким, как при первой встрече. Копна кудрявых волос свободно падает на плечи, но

нет в ней небрежности. А прекраснее всего были глаза. В них отразилось всё: и боль, пережитая в неволе, и юношеский задор, и тонкий

С.Н. Колоярский
и П.С. Филатов,
70-е годы

Группа художников Бузулука, 1974 г. С.Н. Колоярский – второй слева

юмор. Бывали они и печальными, иногда лукавыми, но всегда очень добрыми. Все, кто знал Колоярского близко, восхищались его добротой.

В городских школах он вёл уроки

Сергей Колоярский. Цветы.
Бумага, акварель

рисования. Его воспитанница Вера Петровна Юровских, ныне преподаватель немецкого языка, вспоминала: «Мы жили очень бедно. Мама была уборщицей в школе. А Сергей Николаевич вёл у нас рисование. И после каждой полочки подходил к маме и клал ей в карман денежку, приговаривая: «Верочке что-нибудь купишь».

Сергей Николаевич любил детей, никогда не повышал на них голоса на уроках, часто водил их на природу: на берег Самары, Сухореченские горы. Учил их рисовать с натуры, видеть необыкновенную живую красоту нашей короткой осени. Свои рисунки щедро раздаривал друзьям, знакомым, ученикам. Другого пути к зрителю у него не было. При его жизни в городе не состоялось ни одной выставки...

«Мастерство — это чувство меры», — написал когда-то Иоганн Вольфганг Гёте, и каждый сразу же

вспомнит это высказывание поэта и мыслителя при взгляде на любую работу Сергея Николаевича Колоярского. В них нет абсолютно ничего лишнего. Это своего рода азбука Колоярского, основанная на восприятии и создании отдельных картин из предметов, которые нас окружают, будь то душистый табак возле мастерской, или благословенная краюха хлеба на столе, или памятная вещь, полная далёких воспоминаний, ваза с цветами, впитавшими полуденное солнце. В каждой работе С.Н. Колоярского столько поэзии! И обеднённым был бы каждый, кто не понял бы её и кому она не доставила бы радость. В своих картинах он не просто художник, он — поэт, потому что komponует, изобретает, творит. А быть поэтом, значит открывать радость для себя и других, быть охотником до приключений, с уважением относиться к природе, а главное — любить людей. Тех, чей хлеб мы режем, за чьим столом сидим, под чьей лампой читаем... Но это обязанность уже не только художника — приносить на общий стол и свою долю, это исторический удел человека. А человек, как сказал Максим Горький, — «это звучит гордо».

По-детски безмятежно смотрят на нас юные барышни с портретов С.Н. Колоярского, но сколько печали в глазах его жены... Люди на его портретах словно прислушиваются то ли к себе, то ли ко времени, терпеливо и мудро чего-то ожидая. Он любил рисовать печальные глаза, они, видимо, отражали его внутреннее настроение.

Его мечта войти в мир признанных художников постепенно угасала. Но на смену ей его романтическая

натура распахнулась для молодых талантов. В здании нынешней городской типографии Колоярский стал вести несколько классов, ставя руку будущим художникам, архитекторам, скульпторам. К нему ехали учиться и из окрестных районов. «Не замечали» его только те, кто по должности должны были поддерживать. Особенно это было заметно в годы работы в дошкольно-педагогическом училище. Но всякого рода гонения и даже репрессивные меры не сумели сломить этого сильного духом человека.

Славу ему принесли ученики. Среди них петербургские художники и архитекторы А. Сидоров, П. Ковалевский, С. Есин, внук Малявина, ученик А. Аникушина; А. Есин — художник-портретист (Самара), В. Кожевников — художник (Бузулук), Г. Чистяков — архитектор-художник (Брест), В. Кузнецов — художник (Москва), В. Лукашов — художник-график (Москва), Н. Колесников — скульптор (Тольятти), А. Лебедев — художник (Рязань), В. Сарычев — художник (Бузулук), С. Сергеев — художник (Новгород), Б. Никитин — художник (Бузулук), Н. Пономаренко — художник (Тула), Л. Ермоленко — художница (Сызрань), В. Сексяев — художник (Бузулук). Почти все они стали позже членами творческих союзов России.

Последние годы Сергея Николаевича были тяжёлыми. Безнадёжно заболела его верная спутница Серафима Константиновна, за ней надо было постоянно следить, ибо она могла уйти из дома и не найти дороги назад. Колоярский с трудом справлялся с заботами, свалившимися на него. Единственным занятием

Вячеслав Лукашов.
Автопортрет. Бумага, тушь

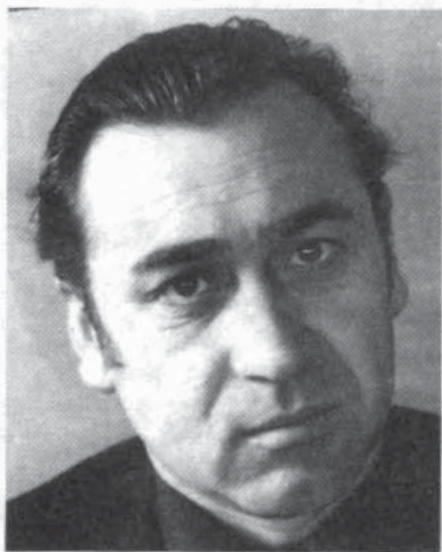
Иллюстрация к книге
«Стихотворения»
Ю. Кузнецова.
Бумага, тушь

Лидия Ермоленко

Жар-птица. Гобелен

Виктор Кожевников

**В Бузулукском бору.
Бумага, тушь**

**Разлив на Самарке.
Бумага, акварель**

Геннадий Чистяков

**Весна.
Бумага, акварель**

**Владимир Кузнецов.
Натюрморт.
Холст, масло**

Автопортрет. Холст, масло

для него стала переписка с учениками и то в те часы, когда жена спала. В письмах он делился прочитанным: «Какая чудесная у Гоголя вторая часть «Мёртвых душ», пророчество гениального ума». Великой тройкой в литературе он называл Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Они, утверждал он, — основоположники настоящей русской литературы. Великой тройкой в русской живописи считал Сурикова, Васнецова и Нестерова... А вот письмо — крик души человека глубоко любившего Россию: «С чувством глубокого умиления, даже до слёз, я в минуты просвета, когда не занят «домашностью» и надзором за Серафимой, вспоминаю те драгоценные два часа, что провели мы с тобой в святой и огромной мастерской великого Виктора Михайловича Васнецова... У меня есть книга, там много интересного,

характеризующего времена и нравы «до и опосля». Там рассказывается о похоронах Васнецова. Какая-то «представительница по искусству» в своей книжонке «квалифицировала» такого мастера живописи и русского гражданина В.М. Васнецова как «сказочника», невидного сказочника. «Три богатыря» — это, по её мнению (ну, что вы скажете?), сказка. Сказка! И как бумага терпит такую блудню?»

Недавно в одной из газет прочла статью «Русский мастер по имени Ренан» — об удивительном художнике Ренане Емельяновиче Вико. Его имя больше известно в Узбекистане, где он прожил долгие годы, но вынужден был покинуть этот некогда хлебный и гостеприимный край десять лет назад. Сейчас Вико, работы которого хранятся в Третьяковской галерее, в Музее восточных искусств, в частных коллекциях и галереях США, Великобритании, Италии, Японии, Германии, живёт в Липец-

С.Н. и С.К. Колоярские с внуками, август 1974 г.

ке, недавно отметил своё 80-летие. Оказывается, этот мастер с французским именем и итальянско-украинской фамилией родился в Бузулуке, где прошло его детство и где он учился у Сергея Николаевича Колоярского, о котором до сих пор тепло вспоминает.

«Очень сильно повлиял на меня

Ренан Вико

Портрет фронтовика.
Холст, масло

Городской пейзаж.
Холст, масло

один из последних художников-передвижников Колоярский, — рассказал Вико. — Я занимался у него в кружке. Он привил мне уважение к классической технике рисунка, познакомил с работами великих мастеров прошлого, научил мыслить».

Когда в 1993 году интеллигенция Бузулука отмечала 100-летие со дня рождения С.Н. Колоярского, в восстановленном Никольском храме отец Александр отслужил заупокойный молебен. На могильный холмик, что на старом бузулукском кладбище, легли алые розы, которыми так восхищался и которые любил рисовать Сергей Николаевич. А потом был вернисаж. Не в городском краеведческом музее, где долгие годы мёртвым грузом лежат работы С.Н. Колоярского, а в частном художественном салоне. Люди подолгу стояли у акварельного портрета мастера, написанного владельцем салона замечательным художником Виктором Кожевниковым. Чёткие черты

лица выдают породу, не сеточка морщин, а глубокие печальные борозды, как провода в прошлую жизнь, трагические складки у рта, добрейшие, пронизательные глаза. При жизни его знал весь город, его уважали, с ним здоровался каждый прохожий, к его мнению прислушивались, его дружбой дорожили. Всю свою жизнь он творил добро. Любовью и заботой платили ему воспитанники. И после смерти учителя они остались верны его памяти, каждую осень собираются в Бузулуке, чтобы помянуть учителя добрым словом, положить цветы на могилу, а, если удастся, встретиться с его дочерьми — Верой Сергеевной и Еленой Сергеевной, послушать голос мастера, записанный на магнитофонную плёнку.

Так время, взыскательное и строгое, сохранило в памяти людской замечательный образ честнейшего и благороднейшего человека нашего города, согревавшего многих своей чистой любовью...

Виктор Кожевников.
Мастер.
Бумага, акварель